

борьбы. Что же касается их влияния на самую возможность дальнейшего существования для буржуазного общества, то это влияние понимается Каутским уже вовсе не в том решающем значении, в каком оно понималось прежде, а лишь в смысле общей тенденции капиталистического способа производства перерастать имевшиеся у него рынки и вытекающей отсюда для него необходимости постоянной погони за приобретением новых; но «так как и внешние, и внутренние рынки имеют свои границы, между тем, как способность производства к расширению практически безгранична», то отсюда и получается чисто теоретический пока вывод о неизбежном наступлении того отдаленного исторического момента, когда экономические кризисы примут уже хроническую и ничем неустрашимую форму. Но при этом Каутский так характеризует наступление этого момента:

«Процесс наступления хронического перепроизводства может быть медленным и длительным; мы так же мало знаем о том, какими путем оно наступит, как и о том, когда оно наступит. Я даже охотно признаю, что можно сомневаться вообще, наступит ли оно когда-нибудь, и тем более сомневаться, čím быстрее будет идти рост социалистического движения». И далее:

«Неустрашимое хроническое перепроизводство намбчает собою тот последний предель, до которого капиталистический режим может поддерживать свое существование, но это еще вовсе не значит, чтобы оно непременно намбчало собою причину его гибели. Мы уже видели, что материалистическое понимание истории на ряду с экономической необходимостью признает еще и другие факторы социального развития, которые хотя и определяются экономическими мотивами, но в то же время носят во многих отношениях идейный и этический характер, и которые мы включаем в общую формулу классовой борьбы. Классовая борьба может повести к низвержению капиталистического способа производства раньше, čím последнее вступить в период своего разложения» *).

Итак, согласно этому новому пониманию научного социализма, классовая борьба, т. е. именно борьба, вызываемая численным ростом пролетариата и ростом его сознания, и должна будет послужить основной причиной падения буржуазного строя. Развивающееся капиталистическое производство создает все новые и новые массы пролетариата и тем расширяет размах вedomой им классовой борьбы; в этом росте пролетариата и в этом расширении связанного с ним рабочего движения заключается сущность объяснения современной социаль-демократической школой основных источников социалистического переворота.

Мы уже указывали в началé статьи на неполноту и одно-

* Ibid., стр. 142—145.

сторонность этой теории. Ея неполнота и ея односторонность заключаются в том, что она ничего не говорит нам о другой стороне дела, о той противоположной общественной силе, которая ведет классовую борьбу с пролетариатом. Сохраняя во всей неприкосновенности основу своего экономического построения, т. е. принимая по-прежнему за эту основу процесс развития капиталистического способа производства, в формé крупной промышленности, и связывая именно с этим процессом все дальнейшее развитие социалистического движения, она в то же время оставляет совершенно без внимания растущие силы самого капитализма. Мы видим, что в первоначальной концепции научного социализма этой односторонности не было; напротив того, тогда главное внимание было обращено именно на *стихийные экономические силы*, подрывающие устойчивость капиталистического строя,—при чем в этом именно и проявлялась экономическая сторона всего диалектического процесса; буржуазное общество само порождало в своих недрах те *экономические факторы*, которые подрывали его существование—чим очень существенно облегчалась революционная задача пролетариата; последнему приходилось действовать в одном направлении с ходом экономического развития, на его стороне стоял основной экономический закон всей истории.

Теперь все это исчезло из представления о том стихийном экономическом процессе, которым определяется ход развития буржуазного общества с его ростом и падением, сменяющимися по формуле диалектического самоотрицания; теперь от всей этой материалистической концепции остались только одни «могильщики», которые при том же, как признает сам Каутский, двигаются в своей борьбе многими «идейными и этическими мотивами». Вся самоотрицающая роль капиталистического способа производства ограничивается, по этой новейшей социаль-демократической теории, лишь тем, что он порождает острое недовольство своим положением в охваченных им массах населения, организует их и развивает их классовое самосознание. Это, конечно, не мало; но где же здесь *экономическая* сторона самоотрицания? Где тот разрушающий экономический процесс, который способствовал бы пролетариату в его борьбе, подтачивая самую экономическую основу данного общественного строя? Представим себе, что, при смене феодально-монархического режима буржуазным, на стороне буржуазии было бы только ее острое недовольство старым порядком и ясное сознание своих классовых интересов; на стороне же монархии и феодальных землевладельцев были бы их все более и более растущее материальное благосостояние и накопление огромных богатств, обусловленные самым процессом экономического развития: можно ли было бы сказать в таком случае, что буржуазия победила старый порядок, *благодаря* содействовавшему ей экономическому процессу? Не следовало ли бы сказать наоборот,